



Даниил Крамер

5 джазовых тем

текст Анатолий Семёнов
фото Денис Егоров, Анатолий Семёнов

Свой звёздный отсчёт наш сегодняшний гость начал с Вильнюса, где в 1982 году был удостоен первой премии на конкурсе фортепианных джазовых импровизаторов. За последующие годы успел стать действительным членом Российской академии искусств, почётным членом Сиднейского профессионального джазового клуба и заведующим эстрадно-джазовой кафедрой в Институте современного искусства в Москве. А в 2000 году оказался первым в истории и единственным из российских джазменов, кто был награждён престижной Европейской премией имени Густава Малера, учреждённой EUROPEAN UNION OF ARTS, за цикл концертов «Классика и джаз». Даниил Крамер является создателем и главной движущей силой уникального концертного абонемента «Джазовая музыка в академических залах», который гастролирует по России вот уже более двух десятков лет. А ещё он объездил с концертами десятки стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Выступал даже в Австралии. Сегодня у нас в гостях композитор и пианист, педагог и продюсер, джазовый просветитель, народный артист России Даниил Крамер.

Тема 1. Детство

Не могу не спросить у моего гостя, как же так получилось, что сын сурдопедагога и врача стал профессиональным музыкантом.

«А это называется «большое спасибо войне», – грустно признаётся Даниил. – История такова, что у моей мамы ещё в самом раннем детстве обнаружили ярко выраженные музыкальные способности, и уже в семь лет она давала концерты в качестве пианистки. Но в 1941 году, когда ударила война, ей не исполнилось и двенадцати лет. А это как раз тот самый критический возраст, когда решается вопрос «быть или не быть». Когда надо очень тщательно следить за «аппаратом». Для пианиста это руки. Они не должны окостенеть, всё должно быть мягким, гибким и пластичным. Как у маленького ребёнка. Если же рука становится «взрослой», то с профессиональной игрой вряд ли что-то получится.

Короче говоря, грянула война, и маму сразу же эвакуировали из Харькова в Ташкент. И будучи 12-летним подростком, мама ни о чём другом тогда не думала, кроме одного – не умереть с голода. Потому что, насколько мне известно, в день на ребёнка давали по 125 граммов хлеба (!). И больше ничего. Ну и долго мы с тобой сегодня так бы протянули? Не долго. И люди реально умирали от голода. Слава Богу, моя мама выжила. Когда же в 1946 году она вернулась из эвакуации, то ни о каких серьёзных занятиях музыкой речи уже просто не шло. Хотя по старой памяти ей даже предложили без экзаменов поступить в Харьковскую консерваторию, но она решительно отказалась, поскольку понимала: с музыкальной карьерой покончено. Раз и навсегда. Вообще, она у меня всегда была мудрой. Зато она стала очень талантливым зубным врачом, весьма известным в Харькове дантистом.

Таким образом война отняла у мамы музыкальную карьеру. Выяснилось, что мой старший брат не обладал музыкальным слухом, а я оказался «слушачом». И тогда всё то, что так и не состоялось у неё, было вложено в меня. Буквально всё! Правда, сначала, чтобы убедиться, насколько же я действительно способен к музыке, мама стала приглашать к нам домой знакомого флейтиста. Тогда мне было три с половиной года, поэтому я совсем ничего не помню. Но, по рассказам мамы, всего за месяц флейтист научил меня читать ноты и примитивно играть первые гаммы. После чего он поставил вопрос ребром: либо надо уже продолжать обучение на флейте, либо выбирать какой-то другой инструмент. Однако флейта маму как-то не особенно привлекала. Она решила, что её младший сыночек всё же больше похож на пианиста (смеётся). Тем более что уже изначально был решён вопрос с достой-

ным инструментом. У нас дома с прежних времён стояло шикарное пианино «Красный Октябрь», причём самого первого послереволюционного выпуска. А весь секрет заключался в том, что до 1917 года это была немецкая фабрика DIEDERICHS FRERES («Братья Дидерихс»). И на какое-то время там ещё чудом сохранились старые мастера, оригинальные технологии и даже исходные материалы. Например, клавиши у нашего пианино были из настоящей слоновой кости!

Однажды мама сказала: «Все говорят, что у тебя способности. Хочешь, я отдам тебя в спецшколу? Только имей в виду...». После чего она в красках изобразила мне мою последующую жизнь. Что детства у меня не будет. Что мне придётся забыть про футбол и баскетбол. То есть в деталях обрисовала всё, что со мной сделает, если я вдруг соглашусь. «И вообще, я с тебя не слезу!» – обнадеживающе заключила она. В общем, я подумал и всё-таки сказал: «Да!» Моя мама оказалась ещё и прирождённым педагогом. Когда в силу детского упрямства я иногда неправильно ставил руки, поскольку так мне было легче, то несколько раз получал линейкой по пальцам. Удивительно, но сейчас вспоминаю об этом с искренним удовольствием. Сегодня понимаю, что, не получая я тогда по пальцам, то, может быть, ничего бы из меня не получилось. Никогда не мог при маме смухлевать. А ведь мухлевать я в детстве любил (смеётся). Ну, впрочем, как и все дети. Зато мне прекрасно удавалось мухлевать с папой. Он хотел знать лишь одно: ребёнок сидит за пианино и усердно занимается. А в это самое время это невинное дитя, то есть я, ставило на пюпитр какую-нибудь захватывающую книжку. Совершенно спокойно я мог одновременно читать и что-либо играть. Просто мне никогда не нужно было видеть клавиатуру. Я как-то очень быстро со всем этим разобрался. Так мною были освоены великие «Дон Кихот», «Три мушкетёра» и весь Жюль Верн. Короче говоря, всю детскую литературу, соответствующую моему возрасту, я прочитал, сидя за клавиатурой пианино. А тем временем отец удовлетворённо похрапывал на своем диване.

Тема 2. Москва

Прошу уважаемого гостя рассказать о том, как его – выпускника харьковской музыкальной спецшколы – неожиданно «занесло» в этот самый мир джаза. «В начале лета 1978 года я приехал в Москву из Харькова, чтобы поступить в знаменитую Гнесинку, – вспоминает Даниил Крамер. – И это были ещё те благословенные времена, когда имело значение, как ты играешь. Естественно, у меня не было никакой так называемой волосатой руки. Правда, и жёстко пробиваться мне не пришлось. Просто приехал

в Москву провинциальный мальчик с дичайшим еврейско-украинско-русским говором, в пиджаке от фабрики «Большевичка» и в брюках «Муля, не нервируй меня!». Однако умеющий неплохо играть на фортепиано. Ну и поступил на «пять с плюсом». Да вдобавок ещё и педагоги за меня дрались...

Конечно, к тому времени я уже знал, что есть такая штука «ДЖАЗ». Но он мне совсем не нравился. И вообще, что мог узнать о настоящем джазе харьковский подросток в середине семидесятых. Возможно, лишь то, что довелось услышать на советских пластинках, где было написано слово джаз, однако чаще всего джазом вовсе не являлось. Ну, послушал и пожал плечами со словами: «Да, это не Бетховен!» Потом уже в Москве, на первом курсе, у меня появилась девушка, которая считалась одной из красивейших в институте. Неудивительно, что наш альянс вызывал среди студентов всеобщее изумление. Вдобавок она была одной из первых модниц. Ну а себя я уже обрисовал. В тот момент – пентюх пентюхом. А кроме всего прочего, моя девушка очень любила джаз и здорово в нём разбиралась. И вот однажды, увидев афишу джазового концерта, она позвала меня с собой. Мгновенно заскучав, я предложил лучше сходить в консерваторию. Но если женщина хочет! Короче говоря, похорив голову, послушно поплёлся на злополучное представление. А это был концерт знаменитого джазового пианиста Леонида Чижика в московском киноконцерт-

ном зале «Октябрьский» на тогдашнем Калининском проспекте (теперь Новый Арбат. - Прим. авт.). Именно тот концерт реально перевернул всю мою жизнь. Всё, что мне до этого довелось слышать о джазе, испарилось, потому что было не так и неправильно. И вот после этого, не бросая классику, я решил заниматься и джазом. Золотой памятник готов поставить своему преподавателю, знаменитому музыканту Евгению Яковлевичу Либману, который не только не осерчал, услышав мои первые абсолютно уродливые джазовые опыты, а напротив, сказал: «Это – твоё!». Вот что значит гениальный педагог! Кстати, по молодости он в свою очередь был учеником великого Генриха Нейгауза. Однажды, когда заканчивался классный концерт, а я его завершал в качестве лучшего ученика и уже отыграл свою последнюю классическую пьесу, он вдруг встал и постучал по полу своей палочкой. «Никто не расходитя! Сейчас нам Данечка будет играть джаз!» А у меня народу полный зал. И у Данечки глаза – на лоб, потому что никто меня не предупредил. И это было в его стиле: собираться быть импровизатором – будь им! Выплывешь – молодец, нет – твоя проблема! Значит, ты – не профессиональный музыкант! То есть при всех кинул меня «в воду», чтобы посмотреть, что буду делать. Вот и пришлось выплывать. Удивительно, что за всю последующую жизнь я получил всего восемь (!) чисто джазовых уроков. Шесть – у легендарного пианиста Леонида Чижика и два у Ми-



Даниил Крамер и Джо Моран



хаила Исакова. Вот и всё, что я получил извне. Всего остального добивался самостоятельно. Осваивал тоже самостоятельно. Кстати, Исаков – в своё время весьма известный джазовый гитарист и педагог старой школы, просто гениальный методист, но, к сожалению, так толком и не оцененный. Всего за два (!) урока он мне разложил весь джаз буквально

по полочкам. И оказалось, что он столь же логичен, как и любой другой язык!»

Тема 3. Партнёры

«Я холерик по натуре, поэтому наш фортепианный дуэт с замечательным Валерием Гроховским мы в шутку называем «Холерик и Валерик», – смеётся Даниил. – Но есть ещё одно название «ZAV – KAF –

DUO», то есть «Дуэт завкафедрями». Кстати, одна из тех вещей, которыми я в своей жизни очень горжусь, – это возвращение такого мощного пианиста на российскую сцену. И вообще из американского Сан-Антонио на Родину. Лишь только я сказал: «Валера, а поехали играть в Россию!» – как, ни секунды не задумываясь, он ответил: «А поехали!». Тут надо

понимать: для того, чтобы с кем-то играть джаз, необходима откровенная взаимная симпатия. Когда несколько раз я пытался играть с людьми, мне по-человечески не очень приятными, то лично у меня ничего хорошего не получалось. Что неудивительно, ведь джазовая музыка основана именно на живом контакте.

У нас пусть и нечастый, но чудный дуэт с Игорем Бутманом. И вот, когда мы изредка собираемся вместе, то получаем просто неподдельный кайф. Он человек весьма фантазийный, а мне для дуэта с ним не нужен ни ритм, ни бас. Мы всё это делаем вдвоём. И я с ним замечательно играю. А ещё есть у меня программа с блистательной оперной дивой Хиблой Герзмавой. Эта программа называется «Опера. Джаз. Блюз», и я ею очень горжусь. Мы потратили на неё целых полтора года репетиций. И она получилась во многом уникальная. Суть программы: в джазовом видении классики плюс классическом видении джаза. Однако это вовсе не означает превращение одного в другое. Причём, при полном сохранении «оперности» голоса. Совершенно точно, что я бы смог это сделать далеко не с любой вокалисткой. Просто Хибла на удивление гибка. И не относится к джазу, как некоторые её коллеги по классическому цеху. То есть она невероятно его любит.

Если говорить о западных джазменах, то весьма удачными были мои концерты с прекрасным американским певцом Кевином Махогани, с которым в 2014 году

у нас состоялся большой тур. Всегда плодотворным оказывалось сотрудничество со знаменитым французским скрипачом Дидье Локвудом. С ним мы много где выступали дуэтом, в том числе на лучших фестивалях мира.

...Но, в принципе, самый лучший мой партнёр – это я сам. Просто я довольно самодостаточный человек, и мне для моей музыки никто особенно и не нужен...»

Тема 4. О счастье

«Со временем у меня меняется ответ на этот вопрос, – признаётся маэстро Крамер. – Сегодня он весьма неоднозначный. Ты представь на секундочку мою жизнь, если её в полном смысле слова можно так назвать. Когда постоянные путешествия в поездах, порой по пять-шесть ночей подряд. Отели. Самолёты. Свою семью – жену и дочку – при такой жизни видишь лишь эпизодически. Когда чуть ли не ежедневно меняешь еду, воду, а также климат и атмосферное давление. Естественно, что у тебя постоянный стресс, так называемый стресс путешественника. Какая у тебя может быть жизнь при таком образе жизни? Извини за тавтологию. Городов ты практически не видишь. Поскольку весь твой маршрут: от вокзала или аэропорта до отеля, затем от отеля до концертного зала. Ну а потом – всё в обратной последовательности.

Единственное, ради чего это терпишь – ради двух вещей. Первое – ради самой сцены. А сцена – это тот реальный нарко-

тик, который позволяет мне терпеть всё вышеописанное. И не только собственно сцена, но и сам факт хорошего концерта. Ведь если он удачный – это просто супер-наркотик. И ещё одно, причём не знаю, что сильнее. Когда ты видишь, что аплодисменты публики не дежурные и не являются неким проявлением вежливости. А когда эмоции идут от самого сердца. То есть, если встают в едином порыве, вот это и есть истинное счастье. Пусть даже такое случается и не каждый раз...»

Тема 5. О вранье

«Для меня музыка – это гораздо большее, чем просто моя профессиональная работа, гораздо большее, чем то, чем я зарабатываю себе на жизнь, – убеждён Даниил Крамер. – Музыка для меня – это как раз нечто, не умеющее врать. Не удивительно, что те, кто пытается «соврать» на концерте, как правило, не имеют настоящего успеха у публики. Попса – не в счёт, а в серьёзной музыке врать не получается. В общем, я не люблю вранья. Напоследок могу честно признаться, что, будучи «харьковским мальчишкой», то есть провинциалом, пусть и давно живущим в Москве, я, к счастью, не впитал в себя жёсткость этого мегаполиса по отношению к людям. Я так и остался тем же провинциальным харьковчанином, но просто живущим в столице. А это означает, что я отношусь к людям терпимее, теплее и честнее. Безо всякого вранья. И люди это чувствуют...»

• Джем сейшен с группой Билла Эванса



• С автором Анатолием Семёновым